

Н.И.Гайнуллина

XX–XXI ғғ. тоғысындағы тілдік өзгерістердің тарихи себебі

Мақалада алғашқы рет XX–XXI ғасырлар тоғысында болып жатқан белсенді құбылыстар мен өзгерістер және олардың табиғи заңдылығын объективті және шынайы бағалауға мүмкіндік беретін тілдің синхрониядағы диахрониясының жаңа позициясы тұрғысынан қазіргі орыс тілінің сипаты берілді.

N.I.Gaiynullina

Historical determinancy of language changes at the turn of the XX–XXI centuries

This article for the first time offers the grounds of the modern status of the Russian language based on the diachrony in the synchrony of the language which allows to value the current processes and developments in the Russian language taking place at the turn of the XX-th century more impartially and adequate and to understand their reasonable nature.

УДК 81; 659,3

Г.П.Байгарина

*Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана (E-mail: oirat60@mail.ru)***Современный медийный дискурс: метаязыковое комментирование**

В статье рассмотрена метаязыковая рефлексия как проявление личностного начала в языке. Определен круг языковых явлений, подвергающихся метаязыковому комментированию, и функции, в которых выступают рефлексивы в медиатекстах рубежа первых двух десятилетий XXI века. Рефлексивы, являющиеся характерным свойством современного медийного дискурса, рассмотрены как средства устранения смысловой неопределенности медиатекстов и выражения мировоззренческих установок говорящего.

Ключевые слова: медийный дискурс, комментирование, языковая рефлексия, метаязыковой маркер, комментарий.

Сегодня деятельность средств массовой информации рассматривают не только как информационную, но и как когнитивно-дискурсивную, т.е. как «средство разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому — массовому — адресату с целью воздействия на него» [1;128]. В СМИ воздействующая функция языка трансформируется в новую функцию, становление которой связывают именно со средствами массовой информации. Эта функция проявляется в том, что «посредством информирования осуществляется управление коллективным адресатом, т.е. контролирование и регулирование поведения огромных масс людей» [1;155]. СМИ моделируют у массового адресата соответствующую картину мира.

В системе медийного дискурса особое место занимает публицистический текст. Не случайно в последнее десятилетие лингвисты рассматривают публицистический текст «в новой системе стилистических координат», говорят о «перерастании публицистического стиля в язык СМИ» [2]. В лингвистике публицистический текст рассматривается «как целенаправленное социальное действие», он

«включается в идеологическую коммуникативную ситуацию и является составной частью публицистического дискурса, понимаемого как воздействующий (персуазивный) тип дискурса» [3]. Его отличает отчетливо выраженная авторская интенция, поэтому он характеризуется яркой модусной семантикой. Модус предстает как система способов обнаружения позиции говорящего в языке. Позиция субъекта речи обнаруживает себя и в метаязыковых высказываниях, которые расцениваются как проявление языковой рефлексии.

Под языковой рефлексией понимают тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом [4]. Рефлексия говорящего проявляется в разнообразной лингвистической информации о слове, в выражении оценки со стороны субъекта речи.

Языковая рефлексия может пониматься и очень широко: как осмысление всего, что имеет отношение к употреблению языка и даже в целом — к языковой ситуации. И все-таки лингвистов больше интересуют не общие высказывания о каком-либо языке, а высказывания по поводу конкретных языковых выражений, творимых в рамках так называемой «стихийной лингвистики» [5]. Именно такого рода рефлексии в рамках «обыденной лингвистики» обнаруживаем в отклике на смерть Игоря Кваши известной актрисы Лии Ахеджаковой: «...настолько жизнь ожесточилась, перестала быть сентиментальной, стала ...не могу вспомнить эпитет... ну этот, от слова «выгода»... Вот: жизнь стала прагматичной (Новая газета, №35, 13.09.2012).

Само явление языковой рефлексии можно отнести к числу активно обсуждаемых в последние десятилетия, что не случайно. По мнению исследователей, коренные изменения в политической и экономической жизни, нашедшие отражение в публичной речи, обостряют языковую рефлексии. Исследовательский интерес к метаязыковой рефлексии обусловлен тем, что рефлексивы выступают как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира [6]. Кроме того, определенный корпус метаязыковых высказываний позволяет создать лингвоментальный срез эпохи в различные периоды развития общества [7].

Есть все основания отнести метаязыковое комментирование к характерным свойствам современного медийного дискурса. Языковую рефлексии можно связать и с таким явлением, как смысловая неопределенность, которую считают специфическим свойством «информационно-коммуникативного поля»: лингвисты говорят об устранении конкретной информации и «воцарении неопределенности», отмечают наличие не просто умолчания, а красноречивого умалчивания как манипулятивного сокрытия информации, в неопределенности видят основу «ухода от ответственности за информацию». Неопределенность считают отражением характера современной эпохи. Содержанием категории неопределенности являются такие значения, как неизвестность, приблизительность, неясность, неточность, а иногда и просто неинформативность сообщения о фактах и событиях, т.е. все то, что требует уточнения, комментирования, интерпретации. Следующий текстовый фрагмент: *Наши сегодняшний форум призван дать мощный импульс глубокому освоению мирового опыта духовной практики гармонии окружающего мира, культуры и нравственности человека* (Казахстанская правда, №360, 19.10. 2012) является типичным примером расплывчатости формулировок медийного текста, который мог бы сопровождаться метаязыковым комментарием.

Определяемые в качестве основных для механизма действия СМИ функции информирования и воздействия объясняют причину конфликта двух тенденций, наблюдаемых в медийном дискурсе: стремление к понятийной точности, определенности и тенденцию к смысловой неопределенности. Рефлексивы и направлены на снятие коммуникативных неудач, обусловленных неопределенностью. В электронных СМИ, прежде всего, наглядно представлен тот тип языкового поведения, который предполагает осмысленное использование языка: мы становимся свидетелями языковой рефлексии коммуникантов, вызванной необходимостью выбрать из имеющихся вариантов более точное слово, которое бы адекватно называло то или иное понятие, например: *Не хочу сказать слово «показушный», но... лучше «пафосный». Этим отличается вахтанговская школа* (Т/к «Совершенно секретно», 15.10.2012).

В центре нашего внимания явление метаязыковой рефлексии, вербализованное в текстах медийного дискурса: актуальным по-прежнему представляется анализ того круга языковых явлений, которые подвергаются метаязыковому комментированию, а также характеристика функций рефлексивов в медиатекстах рубежа первых двух десятилетий XXI века. В работе употребляется термин «рефлексив» как ключевое понятие металингвистики.

В медийных текстах отмечаем широкое использование рефлексивов в функции, которую, по меткому выражению И.Т. Вепревой, можно назвать реакцией носителей языка «на словесное обновление современной эпохи» [8]. Такой реакцией может явиться синонимическая замена незнакомого слова, например: *А знаменитое его весьма недвусмысленное высказывание в адрес высокопоставленного поклонника IT-технологий «Давайте работу e-gov (то есть электронного правительства) оценивать по e-баллам* (Новая газета, №10, 2012). Использование рефлексивов здесь объясняется стремлением дать пояснение незнакомым языковым единицам, не вошедшим в широкую речевую практику. Тем самым с помощью рефлексивов восполняются информационные лакуны адресата. В русскоязычных казахстанских медиатекстах могут поясняться не освоенные русским языком слова казахского языка: *От себя заметим, что, помимо чиновников, на суды в Казахстане влияет такая национальная фишка, как «туысқандық» (родство) и приближённость к любой элите* (Общественная позиция, №421, 2010). В других случаях автор прибегает к более развернутому толкованию незнакомого слова, например, как в следующих контекстах: *У хеттов народное собрание обозначают два слова. Одно слово — это «тулия», буквально толковище. Другое слово — «панкос», обозначает объединение воинов, потом парламент...* (Новая газета, 20.09.2012). *Долетел по лугам утренней зари до херим (русское забор, кремль). Богатыри в хериме-кремле увидели, что у него орлиный взгляд...и дали ему «хуурек» (буквально лопата)* (Новая газета, 04.10.2012). Весь сюжет исполнен в жанре мокьюментари (то есть псевдодокументалистики) (Новая газета, №36, 20.09.2012). В приведенных примерах в качестве рефлексива выступает русский синоним, поясняющий значение соответствующего агнонима. Рефлексив может представлять собой указание на основание для иноязычной номинации, например: *В Южной Корее феномен получил название «Чхонгечхон», по месту сбора протестующих* (Новая газета, №36, 20.09.2012).

Использование рефлексивов в связи с употреблением не освоенных русским языком заимствованных слов может расцениваться как стремление говорящего представить сообщаемую информацию более определенной. И в то же время метаязыковой комментарий может содержать отношение автора к заимствованиям, которые становятся модными в силу придания большой значимости обозначаемому ими событию. При этом в состав рефлексива может быть заключена неприкрытая ирония, не скрывающая отношение автора как к самому комментируемому слову, так и к событию, им обозначаемому: *В малаховской студии ожидалось грандиозное событие — вот-вот в прямом эфире будут названы те российские города-счастливчики, в которых пройдет мундиаль — 2018.* (Так любовно, по-русски на испанский манер теперь принято называть грядущий чемпионат мира по футболу (Новая газета, №39, 04. 10.2012).

Отметим случаи языковой рефлексии, причиной которой явилось стремление автора напомнить широкой аудитории о событиях, имевших место в прошлом и известных, возможно, только в определенных профессиональных кругах: *Все началось с разоблаченной группировки контрабандистов (так называемое «хоргоское дело»), действовавшей на казахстанско-китайской границе в апреле 2011-го* (Новая газета, №36, 20.09.2012). Рефлексив может служить уточнением значения некоторых профессиональных слов: *Мне приходилось слышать эту песню в исполнении контр-тенора (их еще называют кастратами)* (ОРТ, «Достояние республики», 28.09.2012).

Языковая рефлексия в основном осуществляется применительно к словам автора: говорящий дает толкование тому слову или выражению, которое он сам использовал, однако в составе рефлексива может присутствовать и указание на то, что не автор, а описываемый объект речи сам себя так именует, например: *В Рунете сейчас все больше народу причисляет себя к так называемым Grammar nazi, то есть к тем, кто готов «сортировать» людей по уровню грамматической полноценности. Участники движения... аттестуют они сами себя как «национал-лингвистов, лингвофашистов, грамотей-опричников...»* (Новая газета, №36, 20.09.2012). Здесь наличествуют два метаязыковых маркера, так называемых и аттестуют, оба отсылают к лексикону описываемого объекта. Кроме того, так называемый относится к специализированным маркерам чуждости: тем самым автор обозначает свою позицию по отношению к так называемым Grammar nazi.

Метаязыковым комментированием сопровождаются и авторские неологизмы, и явления, которые созданы в целях языковой игры: *...его заигрывания с блогерами еще на первых порах неловкого «охомячивания» президента («сетевыми хомячками» называют особенно активных в комментировании блогеров и стремительно самоорганизующееся интернет-сообщество вкупе)* (Новая газета, №10, 2012). Здесь же дается оценка «сетевых хомячков»: *Он еще в декабре будто принял решение, поставив на преданный ему пролетариат и вынося за скобки всяких там интеллигентов и сетевых*

хомячков — болтунов и бездельников. В этом случае можно говорить об аксиологических рефлексивах: в них слиты воедино интерпретационный и аксиологический компоненты, причем оценочный компонент превалирует. Негативное мнение-оценка наличествует как в значении самих оценочных рефлексивов болтунов и бездельников, так и выражено с помощью специального маркера чуждости *всяких там* — это специализированный показатель умаления значимости. В нашем примере высказывание метаязыкового характера, на письме заключенное в скобки, содержит выражение «сетевые хомячки». Кавычки являются показателями «чужого слова», что подчеркивается метаязыковым маркером — *называют*. Рефлексив интерпретирует слово «охомячивание», которое, если воспользоваться словами Анны А.Зализняк, создано говорящим *ad hoc* в данном речевом (письменном) акте, как представляется, в целях языковой игры [9]. По нашим наблюдениям, совмещение интерпретационной и аксиологической функций рефлексивов является типичным для их употребления в современных публицистических медиатекстах, особенно общественно-политического характера. См.: *Ведь кто бы ни пришел к власти..., ничего не изменится в жизни За-мкадья, как презрительно называют всю Россию без Москвы некоторые утонченные обитатели столицы* (Новая газета, №10, 2012). В качестве метаязыкового маркера рефлексива выступает как — *называют*, оценочная же его составляющая эксплицитно выражена с помощью аксиологического слова — *презрительно*.

Отмечаем метаязыковые комментарии и применительно к жаргонным словам, характерным только для определенного социума: *Новость ...моментально облетела СМИ и блогосферу и казалась поначалу абсолютным «фейком», то есть стебом, приколом, и (простите орнитологи) форменной уткой* (Новая газета, № 36, 20.09.2012). *«Откинуться на Лазурку» — еще одна обиходная фраза олигархов и чиновников...* (Новая газета, №38, 27.09.2012). Как видим, метаязыковому комментированию здесь подвергнуты стилистически маркированные слова. Метаязыковой комментарий может составить содержательную основу медийного текста, каким, например, предстает газетный материал о ходе слушаний по делу Р.Абрамовича и Б.Березовского: *Слово «крыша» произносилось без перевода. Просто «круша». Вот как объяснял суду Абрамович: «Вас защищают, а вы платите за эту защиту. Это может называться «лоббированием», в России называется не иначе как крыша. ...Свой ликбез проводил суду и Березовский, объясняя, что такое в российском контексте «кинуть»... . Это называется «кинуть»* (Новая газета, №35, 13.09.2012).

Именно в языке СМИ получают распространение номинации, которые являются отражением некоторых текущих событий, особенно общественно-политического характера. Например, в связи с майскими событиями на Болотной площади в СМИ стало мелькать выражение «рассерженные горожане»: *Но и рассерженные горожане должны иметь голову* (ОРТ, 11.05.2012). Реакцией на это новообразование и, соответственно, на понятие, стоящее за ним, явился следующий метаязыковой комментарий: *6 мая, во время разрешенного шествия по Болотной площади, протестующие граждане продемонстрировали, что могут на самом деле превратиться в «рассерженных горожан» (это не точное, явно преувеличенное определение придумал когда-то Владислав Сурков)* (lenta.ru/articles/2012). Однозначное отношение автора рефлексива к прокомментированному словосочетанию подчеркивается употреблением частнооценочных слов *неточное, явно преувеличенное*.

Рассмотренные случаи по объекту метаязыкового комментирования представляют собой «акты интерпретации фактов речи». Причем метаязыковой комментарий осуществляется как через толкование лексического значения слова, так и посредством оценки номинации.

Отметим еще один тип рефлексивов, когда интерпретации может подвергаться денотат, стоящий за фактом речи. Как известно, в последние годы в медийном дискурсе частотным было слово «тандем». И в настоящее время оно употребительно, однако в большинстве случаев ему сопутствует комментарий. На наш взгляд, это комментирование связано не со словом, а с тем, какой интерпретации подвергается денотат: *Отчасти это было связано с самой конструкцией тандема (то есть разделение абсолютной власти* (Новая газета, №36, 20.09.2012). *В странное положение поставлены и тот и другой член дуумвирата. (Впрочем, в любой тандем «защита» управленческая двусмысленность)* (Новая газета, №38, 28.09. 2012). Или: *Сетевая толпа — это уже не та толпа, про которую обычно говорят «стадо». Это умная, творчески заряженная толпа* (Новая газета, №36, 20.09.2012).

Мнение-оценка, являющаяся содержанием рефлексива, может быть актуализирована специальными рефлексивными маркерами, такими как *откровенно говоря, сказать откровеннее, по-русски сказать: А по-русски сказать, они оборзели. Мы, откровенно говоря, не подозревали, что это будет делаться с таким нахрапом и с такой наглостью..., что делает саму постановку острых проблем все более трудной, а сказать откровеннее — практически невозможной*. Метаязыковое комментиро-

вание здесь не связано с оценкой собственно языковой стороны высказывания, оно затрагивает скрытый его смысл. На поверхности же «градуальная коррекция, связанная с оценкой номинации как неадекватной обозначаемому по степени признака: говорящий считает, что номинация не в полной мере отражает степень серьезности, значительности, негативности обозначаемого явления [10]. В приведенных рефлексивных контекстах присутствуют не нейтральные, а экспрессивные операторы оценки, которые максимально воздействуют на аудиторию. В связи с этим подчеркивается, что медийные тексты общественно-политического характера демонстрируют, как сознательно активизируются определенные свойства языка с целью его использования для воздействия на массовое и индивидуальное сознание и поведение. Это воздействие может осуществляться посредством «идеологической интерпретации событий». В связи с этим лингвисты вводят понятие идеологической модальности, которая строится «на противопоставлении нейтральных и маркированных в политико-идеологическом смысле компонентов текста» [11]. В создании соответствующего «идеологического фона» участвуют и рефлексивы. В рефлексивных контекстах отмечаем взаимодействие модального и иллокутивного компонентов: оценочно-интерпретирующая деятельность субъекта речи реализуется в различных способах толкования того или иного события. Не вызывает сомнения тот факт, что информация, распространяемая на широкую аудиторию, должна быть объективной и достоверной. Однако распространение информации предполагает ее интерпретацию, комментарий, оценку, в результате информация оказывается «помещенной» в нужный для автора идеологический контекст. Для массового адресата интерпретация подаваемой информации чаще оказывается более значимой, чем фактологическое ее содержание. Рефлексивы, с одной стороны, способствуют прояснению информации, а с другой — они участвуют в реализации одной из основных функций массовой коммуникации — интерпретационной, предполагающей различные способы интерпретации того или иного события. Иными словами, они участвуют в выражении идеологической модальности. Такого рода рефлексивы, выражающие мировоззренческие установки говорящего, обнаруживаем при уточнении не только недавно вошедших в русский язык слов, но и слов общеупотребительных, например: *Вообще неуклонно возрастающий градус нетерпения пугает. «Нетерпение» — слово из народовольческих времен. Именно нетерпение стало спусковым механизмом индивидуального террора, а заодно и всей дальнейшей российской истории* (Новая газета, №6, 2012). В приведенном примере метаязыковому комментированию подвергнута не только сама языковая единица, но и явление, стоящее за ней, кроме того, с помощью рефлексива выражено отношение к этому явлению. Аналогичное использование рефлексива наблюдаем и в следующем примере: *Красный (регион) — это не значит коммунистический. Красный — это значит пассивный* (Эхо Москвы, 15.10.2012).

Абстрактность, широта и сложность значения общественно-политической лексики может быть причиной неадекватного восприятия заложенного в ней смысла, поэтому понятна необходимость в комментировании подобных слов: *...что касается толкования слова «пропаганда», то в ходе принятия новой статьи...его можно уточнить...* (Новая газета, №15, 2012). Еще в большей степени это относится к словам, которые в связи с новыми политическими реалиями дополнили состав ключевых слов медийного дискурса XXI века. Их обозначают термином «ключевые слова текущего момента»: *мировой экономический кризис, политическая и экономическая стабильность, благосостояние граждан, модернизация, инновационные технологии, борьба с коррупцией*. Эта лексика амбивалентна по своей семантике, соотносится с референтом, по-разному трактуемым. Здесь представлены слова, соотносимые с абстрактным референтом, или с широким кругом референтов, то есть обладающие референциальной неопределенностью. Все это приводит к широкому разбросу в интерпретациях и, следовательно, нуждается в комментарии, то есть в прояснении авторской позиции. Использование ключевых слов в медиатекстах различной идеологической направленности выявляет вариативность их содержательного наполнения, что проявляется в коннотативных характеристиках одних и тех же лексем и в их синтагматических связях. Лингвисты говорят в этом случае об идеологической полисемии, которая является следствием возникновения групповых коннотаций, «выражающих интерпретацию политической реальности с позиций той или иной социальной группы» [12]. «Идеологические» коннотации сопряжены с оценочными: на шкале ценностей «свой — чужой» «свой» оценивается позитивно, а «чужой» — негативно. Все ключевые слова медийного дискурса входят в оппозицию по коннотативной маркированности, что подтверждается анализом слов-идеологем, отражающих ценностные доминанты группового субъекта. Так, в официальном медийном дискурсе слово *стабильность* интерпретируется как *«Это наше главное завоевание, это наше Все»*. В оппозиционном дискурсе представлены другие синтагматические связи этого слова: *стабильность коррупции, стабильность*

бедности; всепоглощающая стабильность. Дискурс борьбы придает нейтральным словам «обвинительные» коннотации. Такого рода языковые механизмы апеллируют к чувствам и настроению определенных социальных групп, являясь действенным инструментом для манипулирования. Однако в обоих типах дискурса это мнение-оценка не собственно слова *стабильность*, а стоящего за ним денотата.

В лингвистической литературе, посвященной феномену метаязыковой рефлексии, определен круг формальных показателей рефлексивов. В анализируемых медиатекстах метаязыковой комментарий может и не содержать однозначных формальных маркеров, например: *Никакой тебе «ходорковщины» — финансирование оппозиционных партий или общественной организации «Открытая Россия».* Никаких политических амбиций (Новая газета, №38, 27.09.2012). *Свобода — это в том числе и ограничения, хотя бы внутренние. Но я еще раз подчеркну, свобода — это и ответственность* (АиФ, №42, 17.10.2012). Однако в большинстве своем рефлексивы распознаются по метаязыковым маркерам, в функции которых выступают глаголы речи и сама лексема «слово»: *На Руси власть вообще любит называть русофобией всякое недоброе слово в свой адрес...* (Новая газета, №38, 27.09.2012). Такие метаязыковые показатели, как *грубо говоря, мягко говоря, откровенно говоря, сказать откровеннее, короче говоря, как говорится* выступают в роли дискурсивных слов. Как известно, значение дискурсивных слов привязано к ситуативным и контекстуальным факторам. Они выполняют различные функции, среди которых композиционно-строевая — одна из самых распространенных: дискурсивные слова являются строевыми компонентами текста, они организуют дискурс. Они могут оформлять начало и конец высказывания — инициальная и финальная позиция речевого шага: *короче говоря. Короче говоря, словом* — служат выражением обобщения, вывода, итога предыдущей информации и тем самым способствуют когезии текста. Для нас важно подчеркнуть и рефлексивную роль дискурсивов.

Таким образом, языковая рефлексия, являющаяся проявлением личностного начала в языке, может быть отнесена к характерным свойствам медийного дискурса. Рефлексивы в медиатекстах, заполняя информационные лакуны, способствуют взаимодействию коммуникантов (авторов медийных текстов и массовой аудитории), свидетельствуют об изменениях в словарном составе русского языка современной эпохи. Кроме того, они служат средством выражения мировоззренческих установок автора, участвуют в создании нужной для автора картины мира, выступая одним из средств манипулирования общественным сознанием. В целом же рефлексивы служат устранению смысловой неопределенности медийного дискурса.

Список литературы

- 1 Кудрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — Ч. 2. — 2004. — С. 126–160.
- 2 Лейчик В.М. Перерастание публицистического стиля в язык СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Материалы II Междунар. науч. конф. — М., 2008. — С. 298–301.
- 3 Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. — 2011. — № 2. — С. 144–154.
- 4 Шмелёва Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Вып. I (VIII). — 1999. — № 2. — С. 108–110.
- 5 Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. Стихийная лингвистика (folk linguistics) // Русский язык сегодня. — Вып. 1. — 2000. — № 3. — С. 12, 13.
- 6 Вепрева И.Т. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. — Вып. 1. — 2000. — № 1. — С. 26–35.
- 7 Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005 // [ЭР]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/34899/>.
- 8 Вепрева И.Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. — № 1. — 2003. — С. 416–425.
- 9 Зализняк А.А. Семантика кавычек // Тр. Междунар. семинара «Диалог — 2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям // [ЭР]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/>
- 10 Шейгал Е.И. Рефлексивы в политической коммуникации / Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метаязыковой деятельности. — Вып. 3. — 2002. // [ЭР]. Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/aspekti_yazika_i_kommunikatsii/index.html
- 11 Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Московск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 2. — С. 86.
- 12 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — С. 51.

Г.П.Байғарина

Заманауи медиалық дискурс: метатілдік түсініктеме

Мақалада метатілдік рефлексияның құбылысы тілдің жеке бастапқы сатысында пайда болады. XXI ғасырдың алғашқы екі 10 жылдығында шетелдік рефлексивті медиамәтінде дамушы метатілдік пікірлесу мен қызметінен тілдің пайда болу шеңбері анықталды. Заманауи біріккен пікірталастың рефлексивті сипаты медиамәтінде анықталмаған мағыналық қалпына келтірілген құралы ретінде және сөйлеушілердің әлемдік көзқарасын тудыру құралы ретінде қарастырылды.

G.P.Baiygarina

Modern media discourse: metalinguistic commentation

The article investigates the phenomenon of the metalinguistic reflexion as a manifestation of the personal start in the language. The range of linguistic phenomena exposed to metalinguistic commentation is defined, as well as the functions in which reflexives are presented in media texts of the first decades of the XXI century. Reflexives being the typical quality of the contemporary media discourse are considered to be the means of the removal of semantic uncertainty in media texts and as a way of expression of the speaker's world outlook orientation.

УДК 81.7 367.3

Ж.К.Киынова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: zhkiynova@mail.ru)***Старославянская фразеология в русском языке:
синхрония в диахронии языка**

В статье на материале Фразеологического словаря старославянского языка воссоздана антропоцентрическая картина средневекового человека и его морально-нравственных ценностей. Автором статьи приведены примеры, свидетельствующие об отражении православной ментальности в старославянской фразеологии. Проанализированы фразеосочетания, выступающие в таких бинарных оппозициях, как *добро – зло, грех – добродетель, богатство – бедность, вера – власть*. Особое внимание уделено фразеологизмам, включающим соматизмы, так как именно в их семантике отражается концептуализация мира через познание самого себя и своего тела.

Ключевые слова: фразеология, православная ментальность, старославянская фразеология, библеизмы.

В последнее время, в связи с переосмыслением духовно-нравственных ценностей и актуализацией религиозных истоков, значительно возрос интерес и к старославянскому (церковнославянскому) языку как к культурно-историческому феномену, в котором находит отражение духовная и историко-культурная память народа. Русское религиозное сознание всегда отождествлялось с этим языком, сохраняющим свою идентичность и священное содержание как на протяжении многих веков, так и в условиях современной социальной реальности. «Время показало, что церковнославянские священные формы — это и есть самые верные, единственно возможные, раз и навсегда данные славянскому миру способы определения и выражения меры святости (священной силы) текстов духовного содержания. Исключительно точно выражая смысловое содержание, церковнославянские формы на протяжении многих веков констатируют нам священную реальность прошлого, сакрализуют в том числе и русские лексемы в книжном церковном употреблении, дарят нам возможность ощутить онтологическую сопричастность слова и дела, действенную (очистительную и спасительную) силу священных и молитвенных текстов. Эти формы самой своей неизменностью во времени свидетельствуют о вечности заложенных в нем высших смыслов» [1].